

ПОЛИТИКА

Б.И.Макаренко

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ТРАНСФОРМАЦИИ

¹ Макаренко 2002/
2003.

В 2003 г. в «Политии» была опубликована моя статья о «детских болезнях» постсоветских государств¹. На тот момент принадлежность по крайней мере 15 республик бывшего СССР к единой структурно-цивилизационной общности практически не вызывала сомнений. Прошло всего пять лет — и в политологическом сообществе появилось мнение о неадекватности самой категории «посткоммунистические страны». Действительно, трудно найти что-то общее в сегодняшнем состоянии, скажем, Словении и Туркменистана, кроме, возможно, того, что старшие когорты их «образованного класса» в школе «проходили» Максима Горького, а в институте — «Капитал» Маркса. Нет, пожалуй, и такой закономерности развития, которая бы в последние полтора десятилетия проявлялась на всем пространстве распавшегося «социалистического лагеря». Не случайно в «Политическом атласе современности»², единственной в отечественной политической науке попытке типологии всех стран мира, входившие в него государства по результатам кластерного анализа отнесены к двенадцати разным кластерам, а бывшие советские республики — к девяти.

² Политический
атлас 2007:
203—209.

Однако отказываться от анализа посткоммунистических государств как единого целого было бы, как нам кажется, преждевременным. Во-первых, имеется достаточно критериев, по которым начальную стадию политического развития этих стран на рубеже 1990-х годов можно считать общей. Во-вторых (как следствие первого), несмотря на значительные различия между отдельными подгруппами посткоммунистических стран, внутри самих этих подгрупп, помимо общности многих черт, прослеживается и сходство моделей трансформации, что позволяет оценивать эффекты тех или иных институциональных выборов и политических решений и их влияние на последующее развитие. Наконец, в-третьих, далеко не все рассматриваемые страны достигли того уровня, когда можно с уверенностью говорить об успехе или провале модернизации и демократизации, а это означает, что при дальнейшем развертывании/свертывании трансформационных процессов в них неизбежно включатся факторы, которые работали у «соседей» в прошлые годы.

Общность посткоммунистических стран отчасти определяется их географическим положением (единый географический континуум, охватывающий метарегион от Центральной Европы до Монголии). Но все же главное — это набор общих черт, обусловленных принадлежностью к «социалистическому лагерю», на старте трансформации. Важнейшими из этих черт являются:

- единая доминирующая идеология (хотя с разной степенью «укорененности» или разложения);
- отсутствие частной собственности (полное или частичное) и рыночных отношений;
- близкие институциональные модели государственного устройства (внешне напоминающие парламентские республики, но в действительности представляющие собой различные версии партии-государства);
- сходство если не политической культуры, то многих ее составляющих. Особенно отчетливо это сходство просматривается на уровне элит — это и родственные механизмы социализации, и единое «филологическое» пространство (те же партшколы, тот же Горький и «Капитал» и т.д.). Но его можно заметить и на уровне общества в целом. Как справедливо отмечает этнолог Э.Паин, ссылаясь, в частности, на показатели участия граждан в общественных организациях (в посткоммунистических странах они в 2,5—6 раз ниже, чем в государствах Западной и Северной Европы), «множество стереотипов поведения и сознания, приписываемых национальному характеру либо многовековой жизни в особых цивилизационных условиях... на самом деле сформировались за исторически короткий коммунистический период»³.

³ Паин 2008: 16—17.

Возможно, лет через 10 изучением посткоммунистических стран станет заниматься преимущественно историческая наука. Обращаясь к этой теме, мы будем искать «общий анамнез» проблем, как сейчас ищем его применительно к странам, некогда входившим в Австро-Венгерскую империю или в зону английского колониального владычества. В остальном же исследование этих стран будет дифференцировано либо по субрегионам (как страноведение), либо по конкретным проблемам (институциональный строй, положение меньшинств и т.п.). Пока же есть прямой смысл изучать особенности политического развития, множественность моделей в рамках всего «посткоммунистического мира», сопоставлять итоги, выделять группы стран.

Разумеется, всесторонний анализ успехов посткоммунистических стран в государственном строительстве, модернизации обществ и демократизации — задача настолько масштабная, что ее едва ли можно решить в одной статье. Поэтому мы сосредоточим свое внимание на двух группах критериев, попытавшись на их основе проследить некоторые общие закономерности.

⁴ Растоу 1996.

⁵ Хантингтон 2003.

⁶ О значимости этих критериев для политического развития государств см. Макаренко 2002/2003.

В первую группу включены критерии, которые условно можно назвать «политическими и институциональными параметрами». Это — наличие или отсутствие в опыте каждой страны нарушений либо угроз целостности нации (напомним, что, согласно Д.Растоу, целостность нации является обязательным условием демократического государственного строительства⁴), прецеденты смены власти через демократические выборы (знаменитый «тест двумя передачами власти» С.Хантингтона⁵, подтверждающий консолидированность демократии)⁶ и характер

сформировавшегося в процессе посткоммунистического развития институционального строя, включая конфигурацию системы сдержек и противовесов, а также партийной и избирательной систем.

Вторую группу критериев образуют авторитетные международные рейтинги, в большинстве своем сочетающие объективные статистические и фактические показатели с экспертными оценками.

Все используемые в настоящей статье критерии сведены в таблицу, публикуемую в Приложении.

Институциональный выбор и его следствия

⁷ Fish 2006. Экспертное исследование, положенное в основу индекса, завершено в конце 2005 г.; в ряде случаев объем полномочий конкретных парламентов с тех пор претерпел изменения.

⁸ Зазнаев 2007.

⁹ Данная классификация заимствована из классической работы М. Шугарта и Дж. Кэри (Shugart, Carey 1992).

Наряду с объективными фактическими данными (тексты конституций и законодательных актов, определяющих полномочия и отношения между ветвями и институтами власти, порядок проведения выборов) для оценки институционального строя можно использовать два индекса. Первый из них — это индекс полномочий парламента (ИПП), рассчитанный американским исследователем С.Фишем⁷ для посткоммунистических стран (индекс вычисляется как отношение числа конкретных полномочий, которыми обладает тот или иной парламент, к общему числу парламентских полномочий). Второй — индекс формы правления (ИФП), определяемый как разность между индексами полномочий президента и парламента в системах с всенародно избираемым президентом (индекс рассчитан казанским политологом О.Зазнаевым⁸ на основе видоизмененной методики голландского ученого А.Кроувела).

На карте посткоммунистического пространства просматривается достаточно четкая граница между «моноцентричными» (президентскими и президентско-парламентскими) республиками и «полицентричными» (парламентскими и премьер-президентскими) режимами⁹. Эта граница практически полностью совпадает с границами СССР 1939 г.; иными словами, там, где коммунистический режим просуществовал на одно поколение меньше, новые политические элиты сознательно шли на институциональное разделение власти. В странах к западу от «СССР-39» значения ИПП варьируют в диапазоне от 0,66 (в Польше) до 0,84 (в Латвии) с медианным значением порядка 0,75. Из стран к востоку от этой границы сходными значениями ИПП обладают лишь Молдавия и Монголия; в большинстве других стран они колеблются между 0,40 и 0,50, а в чисто президентских авторитарных республиках Белоруссии и Узбекистана не дотягивают и до 0,30.

Посткоммунистический Запад. Выбор государств Центральной и Юго-Восточной Европы в пользу премьер-президентской или парламентской республики отражал осознанное стремление элит ограничить власть и амбиции единоличных лидеров. Возможно, оно было обусловлено реакцией на советское прошлое, возможно — желанием не допустить повышенной персонализации власти и концентрации ее в руках харизматических вождей бархатных революций. Все эти лидеры (В.Гавел, В.Мечъяр, И.Илиеску, Л.Валенса), а также болгарский

президент Ж.Желев пытались перетянуть одеяло на себя (как это пытается сделать В.Ющенко в сегодняшней Украине). Не допустить такого развития событий центральноевропейским политическим элитам позволил ряд субъективных и объективных факторов, прежде всего довольно высокая политическая конкуренция и пропорциональная избирательная система, лишаящая президента гарантированного большинства в парламенте и тем самым препятствующая превращению его в фактического главу исполнительной власти. В подобной роли выступал, пожалуй, только И.Илиеску, да и то лишь в период своей первой легислатуры.

В итоге в Центральной и Юго-Восточной Европе сложились либо «канцлерские республики» с сильными премьерами и кабинетами и достаточно сильными парламентами, либо полупрезидентские системы, в рамках которых президент обладает важными полномочиями, но не становится единоличным главой исполнительной власти.

В отечественной литературе нередко встречаются скептические оценки успехов, достигнутых этой группой посткоммунистических стран на пути построения демократических институтов¹⁰. Конечно, при определении «дистанции» между бывшими сателлитами Москвы и более развитыми и стабильными демократиями Запада, с одной стороны, и европейскими государствами СНГ, с другой, трудно не поддаться искушению и не приуменьшить наше собственное отставание. Однако объективные факты свидетельствуют о том, что Центральная и Юго-Восточная Европа добилась существенных результатов в деле институционального строительства.

Не вызывает сомнений, что решающую роль здесь сыграл «европейский выбор» — консенсусный для большей части элит и общества стратегический курс развития. Во-первых, консенсус по поводу общего стратегического курса обуславливал неантагонистический характер противоречий между ключевыми политическими силами: они боролись за власть и спорили по конкретным программным вопросам, не ставя под сомнение основы политики. Во-вторых, ориентация на Европу повышала роль демонстрационного эффекта: политические элиты сознательно стремились вести себя «по-европейски», соблюдать стандарты европейской политики в различных сферах общественной жизни. В-третьих, «европейский выбор» подразумевал тесное взаимодействие с институтами и политиками западноевропейских стран, что укрепляло «западный вектор» в политике.

За период с начала 1990-х годов страны Центральной и Юго-Восточной Европы освоили весь «учебник» парламентской демократии. Передача власти через выборы стала нормой политики. При кризисном развитии событий во главе соответствующих стран вставали правительства меньшинства (Румыния, Польша, Чехия, Сербия) или «большие коалиции» (Македония); полупрезидентские системы успешно прошли испытание «разделенной властью», когда президент и правительство принадлежат к разным политическим лагерям (Польша, Румыния,

¹⁰ См., напр. Пишова 2007; Тарасов 2007. Гораздо более глубокие и взвешенные оценки приводятся в коллективной монографии «Демократическое правовое государство и гражданское общество» (см. Демократическое правовое государство 2005: 8).

Словакия, Литва, Болгария, Хорватия). Приведенные факты указывают на то, что и институциональное устройство, и поведение политических элит рассматриваемых стран оказались достаточно рациональными и зрелыми; кризисные ситуации не смогли заставить их свернуть с демократического пути. В этом можно усмотреть важнейшее свидетельство продолжающейся консолидации демократии.

При наличии сильных парламентов неслучайными выглядят и успехи в формировании партийных систем. В случае реализации «благополучного сценария» (страны «вышеградской четверки», Литва, Словения) за два-три цикла выборов происходит деление на «левых» и «правых» с некоторыми вариациями в структуре «правого фланга». Как отмечалось в упомянутой выше коллективной монографии, «в Центральной и Юго-Восточной Европе создание партий предшествовало социальному структурированию общества. В начале трансформации они скорее представляли определенные ценности (демократия, рынок и т.д.), чем интересы возникающих в ее процессе новых социальных слоев»¹¹. Общая «интрига» формирования партийных систем разворачивалась следующим образом.

¹¹ *Демократическое правовое государство 2005: 93.*

На конституирующих выборах побеждает широкий антикоммунистический альянс, в котором уже видны внутренние противоречия (Гражданский форум в Чехии, «Народ против насилия» в Словакии, «Солидарность» в Польше и др.). Левые отстраиваются; наследники бывших коммунистов зачастую переходят на позиции национального консенсуса, что позволяет им занять весь левый фланг, причем скорее в качестве не идейной социал-демократии, а «catch-all party» (сказывается генетика «партии власти»), и победить на вторых или третьих выборах. Правые делятся на два или более лагерей. Наряду с традиционными консервативными (христианско-националистическими) партиями (Венгерский демократический форум, словацкий ХДС и др.) появляются «новые», как правило, либертарианские (партии шоковой терапии) — «Молодые демократы» (Fidesz) в Венгрии, «Союз Свободы» в Польше и т.п. Кроме того, складываются «нишевые» партии (одного вопроса) и партии евроскептиков (чешские республиканцы, словацкие националисты и т.п.), возрождаются «традиционные» партии (в частности, аграрные). В ряде случаев (например, в Чешской республике) — как уходящий феномен — сохраняются и коммунисты.

В Юго-Восточной Европе «благополучный» сценарий не реализовался. В Болгарии после провала модернизационной программы 10-партийного реформаторского альянса (1991—1992 гг.) к власти на пять лет вернулись социалисты. В Румынии на протяжении первых двух циклов власть оставалась в руках экс-коммунистов, которые медленно эволюционировали; и хотя постепенно складывалась многопартийность, румынской партийной системе и сегодня присущ повышенный «градус» конфликтности (попытка импичмента президента Т.Басеску в 2007 г.) и коррумпированности. В Сербии и Хорватии у власти оказались авторитарные силы — альянс старой номенклатуры с националистами

(С.Милошевич) и ультранационалистический Хорватский демократический союз соответственно.

Тем не менее с некоторым временным лагом партийные системы в странах Юго-Восточной Европе все же сложились. Отличительная черта этих партийных систем — наличие этнических партий (Румыния, Болгария, Словакия, Македония, Сербия) и квот для национальных меньшинств в парламентах.

Описывая достижения наших западных соседей, необходимо сделать две оговорки. Во-первых, внешние условия для развития в них демократизационных процессов были исключительно благоприятными: успешно интегрировав «пионеров» третьей волны демократизации (Испанию, Португалию, Грецию), Европа была готова активно способствовать ее продолжению — демократизации государств распавшегося «социалистического лагеря». Во-вторых, уровень и качество демократии в рассматриваемых странах оставляют желать лучшего. Налицо довольно сильные ностальгические настроения. Видны «издержки модернизации» — имеются евроскептики и клерикалы (Польша), возродились коммунисты (Чехия), существуют проблемы с «welfare state» (Венгрия), слабо гражданское общество. Политика носит более элитистский, «персоналистский» и коррумпированный характер, нежели в традиционных демократиях. Трудно назвать состоявшимися, а тем более — демократическими государствами Боснию и Герцеговину и анклав Косово; немало проблем с целостностью и стабильностью в Сербии и Македонии. Следует также обратить внимание на неинклюзивность демократии в Латвии и Эстонии, где на протяжении всего периода посткоммунистического развития значительная часть русскоязычного населения была лишена политических прав. Именно это не позволяет отнести данные государства, демонстрирующие неплохие результаты по многим другим параметрам, к числу тех, где транзит успешно завершен¹².

Как метко заметил польский журналист К.Геберт, «центральноевропейцы выучили словарь демократии, но пока не постигли ее грамматики»¹³. Однако все это не отменяет общего вывода об успехе демократического транзита: страны Центральной и Юго-Восточной Европы создали у себя рыночные экономики и достаточно далеко продвинулись по пути демократизации.

Постсоветский Восток. В отличие от политий Центральной и Юго-Восточной Европы, все страны СНГ избрали президентско-парламентскую или чисто президентскую форму государственного устройства¹⁴. Вместе с тем природа режимов в 12 бывших республиках СССР с самого начала имела существенные различия, которые по ходу посткоммунистического развития все больше возрастали. Условно эти режимы можно разделить на 4 категории.

1. Президентские по форме и чисто авторитарные по сути режимы в Туркменистане, Узбекистане и Таджикистане. Индекс формы правления к ним неприменим, так как вся полнота исполнительной

¹² Среди западных политологов аналогичной точки зрения, насколько нам известно, придерживается только С.Хансон (см. Hanson 2001).

¹³ Записанная автором цитата из выступления К.Геберта на международной конференции в Таллинне в 1998 г.

¹⁴ Из стран, расположенных к востоку от границ СССР 1939 г., за рамками этой закономерности находится лишь Монголия с премьер-президентским режимом.

власти принадлежит президентам, а выборы в парламенты носят неконкурентный характер.

2. Тяготеющие к авторитаризму президентский режим в Белоруссии (ИФП = +7) и формально президентско-парламентские режимы в Азербайджане, Казахстане и Киргизии (ИФП от +6 до +9; в Киргизии режим претерпел институциональные изменения уже после публикации индекса). В течение минувших 18 лет во всех этих странах наблюдались разнонаправленные тенденции, связанные с развитием политического плюрализма, однако к сегодняшнему дню власть в них практически полностью приобрела моноцентрический характер.
3. Движущиеся в сторону ослабления президентской власти Молдова и Украина, перешедшие в начале нынешнего века от президентско-парламентской республики к парламентской в первом случае и к премьер-президентской — во втором. По уровню политического плюрализма и конкуренции эти страны превосходят все остальные государства СНГ. Индекс формы правления на Украине равен 0.
4. Президентско-парламентские Россия, Армения и Грузия. Несмотря на общность политического режима, эти страны заметно различаются по объему полномочий президентов (ИФП варьирует от +8 в России до -1 в Армении).

Оценивать с точки зрения демократического транзита первые две категории стран практически невозможно: за исключением Белоруссии, это страны, находящиеся под влиянием одновременно исламской и тоталитарно-коммунистической политических культур. Во всех этих странах — пусть в разной степени — сохранились сильные пережитки традиционного патриархального общества, всем им присущи такие типичные для «третьего мира» явления, как аграрное перенаселение, резкое социальное расслоение, склонность к персонификации власти. Применительно к этим странам реалистическая повестка дня состоит не в демократизации, а в продвижении модернизационных процессов в целом и расширении политического плюрализма в частности. Однако если государства первой группы на протяжении всего посткоммунистического периода оставались «перманентно авторитарными», то во второй группе так или иначе присутствовали очаги политического плюрализма: Киргизия даже пережила «тюльпановую революцию», а после нее — институционализированный раздел власти между президентом и премьером. И хотя на сегодняшний день, как уже говорилось, в них возобладали моноцентрические тенденции, наличие подобного опыта позволяет говорить о возможности перехода к более плюралистической модели.

В большинстве упомянутых стран действует (либо действовала) мажоритарная (Белоруссия, Киргизия, Туркменистан) или смешанная с преобладанием мажоритарного элемента (Азербайджан, до недавнего времени — Казахстан) избирательная система; в Узбекистане большая часть депутатов избирается на не прямых выборах. Внедрение в Казахстане

(с 2007 г.) и Киргизии (со следующих выборов) пропорциональных систем знаменует собой переход от «беспартийности» к «доминирующей партии власти». Подробнее о таком переходе мы поговорим чуть ниже, сейчас же достаточно отметить, что в его основе лежит уверенность правящей элиты в том, что она может обеспечить «своей» партии абсолютную победу (как и произошло в Казахстане в 2007 г.) и что эта партия будет полностью подконтрольна президенту.

Молдова и Украина дают нам весьма интересные примеры «затянувшегося транзита». В первой из них наблюдается довольно редкий феномен, возможный лишь при устойчивом доминировании в парламенте одной партии (как, например, в ЮАР), — сильный президент при парламентской республике. Вместе с тем временный характер подобного устройства не вызывает сомнений: если, как прогнозируется, коммунисты на следующих выборах потеряют часть голосов, президент, скорее всего, станет компромиссной, а потому относительно нейтральной фигурой, и реальная исполнительная власть отойдет к премьеру (не исключено, что от той же Партии коммунистов). Что касается Украины, то она невольно посрамила С.Хантингтона, *de facto* опровергнув его тест на консолидированность демократии: передача власти в стране было уже четыре (две — через президентские выборы, две — через смену правящей коалиции после парламентских выборов), но консолидированной демократией ее назвать трудно. Рассматриваемые страны заметно уступают своим западным соседям по степени зрелости партийных систем: их партии еще более «лидерские», еще менее «проросшие» в общество, конфликты между партиями и политиками еще более неприглядные. Однако по уровню политической конкуренции, реальной включенности партий в принятие политических решений Украина и Молдова, бесспорно, опережают все прочие страны СНГ. По сути, эти две страны переживают «запоздалую демократизацию» с пока не ясным исходом.

Труднее всего дать оценку итогам трансформаций в России, Грузии и Армении. В последних двух странах главной причиной задержки демократизационных процессов стали факторы, связанные со становлением национальной государственности: в Грузии — утрата контроля над Абхазией и Южной Осетией и государственный переворот 1992 г.; в Армении — обескровливающая война за Карабах, конфронтационный стиль внутренней политики (фактический переворот в 1998 г.; теракт, уничтоживший ключевых политиков республики в 1999 г.). В прошедших в них в 2007—2008 гг. выборах президентов и парламентов нашли отражение противоречивые тенденции: с одной стороны, наличие «неистребимой» состязательности (победитель президентских выборов опережаясь в первом туре, но получал лишь немногим более 50% голосов), с другой — широкое применение административного ресурса, массовые акции протеста и довольно жесткое их подавление властью.

В России же главной особенностью начальных этапов транзита была предельная поляризация политики, угроза коммунистической

реставрации, а следовательно — отсутствие консенсуса по поводу стратегии национального развития. Именно по этой причине для России 1990-х годов выбор модели с сильным парламентом был заведомо невозможен. Высокая поляризация общества и элит по оси «реформы — реставрация» требовала доминирования президентской власти, проводящей «реформы сверху»: Россия — единственная из трех десятков посткоммунистических стран, в которой на протяжении периода самых болезненных реформ (до 2000 г.) президент не имел большинства в парламенте. Отметим, что этот ключевой для развития России факт не всегда в полной мере учитывается зарубежными политологами. Констатируя, что «высокая степень идеологической поляризации может угрожать судьбе молодых демократий»¹⁵, уже упоминавшийся выше С.Фиш отрицает наличие таковой в посткоммунистических странах. Для него «поляризующие» силы — это социалисты в Чили времен Альенде или нацисты в Веймарской Германии, то есть «антагонистические» парламентские партии. Между тем в России данную роль выполняла не только КПРФ, но и «большинство» в Верховном Совете 1992—1993 гг., так называемые «красно-коричневые», да и общие настроения в обществе после реформ начала 90-х годов.

¹⁵ Fish 2001: 58—63.

К тому моменту, когда болезненное противостояние 1990-х сошло на нет, правящая элита уже достаточно консолидировалась «под сенью» крепнущей президентской власти. Резкое улучшение экономической конъюнктуры способствовало созданию нового элитного консенсуса, ориентированного на дальнейшую концентрацию власти и повышение «входных барьеров» в сфере политической конкуренции через реформу законодательства о партиях и выборах и усиление «административного вмешательства» в электоральные процессы.

Партийные системы в президентских и полупрезидентских государствах СНГ развивались медленно. Наиболее «реальной» на всем пространстве СНГ оставалась партийная система Молдовы, где с самого начала действовала чисто пропорциональная электоральная формула. В авторитарных режимах с мажоритарной избирательной системой их или не было совсем, или они носили откровенно «фасадный» характер. В России, на Украине, в Казахстане и закавказских государствах сложились партийные системы, в которых выделялись коммунистические партии, сохранившие свою организационную структуру и опиравшиеся на устойчивый, хотя и постепенно сокращавшийся сегмент «ностальгирующих» избирателей. Специфическим для стран СНГ феноменом стали «партии власти» — «Единая Россия», «Новый Азербайджан», «Союз граждан Грузии», Республиканская партия Армении, «Нур Отан» (Казахстан).

Само по себе наличие крупной партии, доминирующей в политическом пространстве страны на переходных этапах развития общества, — явление отнюдь не уникальное. Однако, как правило, такие партии представляют собой широкие элитные коалиции, «строящие» или восстанавливающие экономику и общественную жизнь. Иначе

говоря, они «вырастают из элиты» и потому являются по сути самоуправляемыми, вырабатывают механизмы внутривнутрипартийной, пусть даже «олигархической», демократии. Роль лидера (премьера, президента, канцлера) и госаппарата в управлении подобными партиями всегда достаточно высока, но они не становятся «массовыми придатками» к исполнительной вертикали. В странах же СНГ соответствующие образования создавались президентами, которые наделяли свои неформальные клиентелы статусом партий, чтобы представлять и защищать интересы исполнительной власти в парламентах и публичном пространстве. Степень самостоятельности этих партий в определении политической повестки дня и кадровых назначениях изначально была весьма ограниченной. Если классические доминантные партии формируют власть, то «партии власти» ею формируются¹⁶.

¹⁶ На это различие обращает внимание А. Воскресенский (см. Воскресенский 2007).

¹⁷ Подробнее см. Гельман 2006: 62—71.

Единственная доминантная партия, сравнимая с «партиями власти» по степени фактической подвластности президенту страны, — это мексиканская Институционально-революционная партия 30-х годов XX — начала XXI в.¹⁷ Однако и в этом случае свобода рук президента во взаимоотношениях с верхушкой элиты была не столь беспредельной, как в современной России (а также в Казахстане и закавказских республиках), где «доминантная партия» и на федеральном, и на региональном уровне находится в почти полном подчинении исполнительной власти, а ее важнейшая функция — урегулирование межэлитных конфликтов — выполняется с гораздо большей долей «нажима» со стороны губернатора или федеральных структур.

Еще одно различие между «партиями власти» и «доминантными партиями» (включая мексиканскую) заключается в том, что последние действовали в более плюралистичной среде с более развитым гражданским обществом (наличие сильных профсоюзов, СМИ, автономных и авторитетных религиозных организаций). Поэтому их доминирование никогда не было абсолютным, а их отношения со структурами гражданского общества носили не строго иерархический, но партнерский характер (даже если доминантная партия выступала «старшим» в этом тандеме), что в конечном итоге вело к расширению пространства политической конкуренции (правда, в Мексике этот процесс занял семь десятилетий).

Отмеченные особенности «партий власти» отнюдь не означают, что они не сыграли важной и позитивной роли в политическом развитии стран СНГ. Прделанная ими эволюция — это все более полное агрегирование интересов «мейнстримовской» элиты и профессионализация политического класса, все более активное выполнение функций «широкой коалиции», во всяком случае на региональном уровне. Начавшись с «одноразовых» проектов типа «Нашего дома — России» и «За единую Украину», «партии власти», «впитывая» в себя независимых одномандатников центристско-прагматичной ориентации и подкрепляясь «дублирующими проектами» («Блок Рыбкина» и Народная партия — в России, «Асар» — в Казахстане), постепенно трансформировались

в полноценные «политические машины», обеспечивающие мобилизацию всех провластных ресурсов и придающие политической системе ощутимый запас прочности. Тем самым они, по крайней мере — отчасти, способствуют превращению президентских режимов своих стран из персоналистских в режимы с доминирующей партией (при всех оговорках относительно применимости этого термина к «партиям власти»), а значит, повышению их устойчивости и институционализированности.

Дальнейшая институциональная эволюция стран с «партиями власти» зависит от того, смогут ли эти партии из «инструмента» президентской власти развиваться в относительно автономные политические образования, пойдут ли они по пути выстраивания более равноправных отношений с входящими в их состав и союзными политическими группировками, допустят ли хотя бы некоторое расширение политического плюрализма, или же возобладает тенденция к закреплению их монополии в партийно-политическом поле. В первом случае на пространстве СНГ сложится новая модель демократизации — через доминирующую партию, во втором — режимы приобретут полуавторитарный характер.

**Промежуточные
итоги: рейтинги
и классификации**

Сила и слабость рейтингов демократии. Рейтинговые оценки, выводимые международными или авторитетными национальными организациями, — инструмент, требующий разборчивости в применении. Любая задействованная в них статистическая информация нуждается в проверке на сопоставимость с другими странами, любое экспертное заключение может оказаться субъективным. Нельзя, однако, впадать и в другую крайность, объявляя все рейтинги некорректными и ангажированными. Если рассматривать рейтинги не как «вердикт стране», а как аналитический инструмент со своими недостатками и достоинствами и использовать такие их преимущества, как универсальность и повторяемость (что позволяет отследить динамику), то они бывают весьма полезными.

Для сравнения степени демократичности государств чаще всего применяются рейтинги «Свобода в мире» организации «Freedom House». Несомненное достоинство этого рейтинга — ежегодное составление на протяжении нескольких десятилетий. Но у него имеются и серьезные недостатки. Главные из них — преимущественно экспертная основа анализа (к тому же подбор экспертов, вне сомнения, весьма идеологизирован) и отсутствие поправок на национальную специфику. Это делает рейтинг особенно уязвимым, когда ему приходится отражать динамично меняющуюся ситуацию. Так, оценки, полученные Россией и многими другими посткоммунистическими странами 10—15 лет назад, были выставлены им «авансом»: страны ЦВЕ начинали транзит с показателей 2—3; Россия, Казахстан, Киргизия — с 4—5¹⁸. Но если за последние годы страны ЦВЕ этот аванс «отработали», то у России его пришлось «отнимать», а потом еще и «наказывать» ее.

¹⁸ Напомним, что в рамках данного рейтинга страны ранжируются по шкале от 1 (наиболее свободные) до 7 (самые несвободные). Подробнее об этом и некоторых других использованных нами рейтингах см. Миронюк, Тимофеев, Ваславский 2006.

Индекс демократии журнала «Economist» (ИДЭ) измеряет демократичность режима по пяти блокам: электоральный процесс и плюрализм; функционирование власти; политическое участие граждан; демократическая политическая культура; гражданские свободы. Недостаток этого индекса в том, что он строится главным образом на экспертных оценках и многие показатели основываются на данных опросов общественного мнения, сопоставимость которых по разным странам отнюдь не безусловна. Однако в целом он является достаточно взвешенным и комплексным. Все страны делятся на «функционирующие демократии», «демократии с изъянами», «гибридные» и «авторитарные».

По-своему уникальна попытка авторов «Политического атласа современности» построить индекс институциональных основ демократии (ИИОД), не прибегая к экспертным опросам и опираясь исключительно на объективные показатели (фактические и статистические).

Но все же наиболее аналитически насыщенным представляется Индекс трансформации Фонда Бертельсманна (ИТБ). Он носит композитный характер, причем в качестве концептуальной цели, приближение к которой трактуется как искомая цель трансформации, в нем рассматривается «демократия, основанная на рыночной экономике с социальными гарантиями». ИТБ позволяет отдельно оценить и сопоставить прогресс каждой страны в развитии рыночной экономики и в демократизации, что, как будет показано ниже, может оказаться весьма поучительным.

Сопоставив (по данным Фонда Бертельсманна) индексы демократии и рыночной экономики посткоммунистических стран, мы обнаружили ряд интересных зависимостей (см. *табл. 1*).

1. Успех посткоммунистических преобразований подразумевает достаточно высокую степень гармоничности в развитии экономической и общественно-политической сфер (разница между двумя индексами в пределах $\pm 0,5$ балла). К восьми наиболее успешным странам в этой категории примыкает Хорватия, где разница в индексах лишь чуть больше (0,6).
2. Совпадение индексов может означать сопоставимый по сложности набор экономических и политических проблем, с которыми столкнулась страна. Не случайно в данной категории оказались, в частности, две самые неуспешные страны, пережившие тяжелые гражданские войны (Босния и Герцеговина и Таджикистан).
3. Отставание экономических преобразований не является непреодолимым препятствием для демократизационных процессов. Об этом свидетельствует опыт трех соседствующих балканских стран, а также — отчасти — Молдавии и Монголии.
4. Экономическая трансформация не всегда влечет за собой успешную демократизацию. Вместе с тем обратим внимание, что из семи стран этой категории пять являются экспортёрами углеводородов, то есть наличие надежного источника экспортных доходов, обеспечивая

Таблица 1 Сопоставление индексов демократизации и развития рыночной экономики (применительно к посткоммунистическим странам)

	<i>Категория успешности по 10-балльному композитному индексу)</i>			
	<i>Самые успешные (> 8,5 балла)</i>	<i>Относительно успешные (7—8,5 балла)</i>	<i>Относительно неуспешные (5—7 баллов)</i>	<i>Неуспешные (< 5 баллов)</i>
Индексы демократии и рынка сопоставимы (разница $\pm 0,5$ балла)	Венгрия Латвия Литва Польша Словакия Словения Чехия Эстония	Болгария Македония Румыния	Грузия Киргизия Украина	Босния и Герцеговина Таджикистан
Индекс демократии выше индекса рынка	Хорватия (0,6)	Албания (0,8) Черногория (1,2) Сербия (1,1)	Молдавия (1,9) Монголия (1,5)	
Индекс рынка выше индекса демократии			Армения (0,8) Россия (1,2) Казахстан (2,6)	Азербайдж. (1,4) Белоруссия (1,1) Туркменистан (1,1) Узбекистан (1,4)

Источник: Bertelsmann Transformation Index 2008. (В скобках указана — без учета знака — разница между индексами демократии и рыночной экономики.)

¹⁹ Хантингтон 2003: 77.

продвижение рыночных реформ, не создает стимулов для демократизации (закономерность, на которую еще в начале 1990-х годов указывал С.Хантингтон¹⁹). Наибольшего интереса в рассматриваемой категории заслуживают Россия, существенно опережающая все остальные страны этой группы по душевому ВВП, и Казахстан, где рыночный индекс превышает демократизационный на рекордные 2,6 балла.

²⁰ Полярные точки зрения см. Londregan, Poole 1996; Przeworski, Limongi 1997.

Помимо упомянутых выше индексов нами использовались также Индекс конкурентоспособности Всемирного экономического форума и показатели ВВП на душу населения (по данным МВФ на 2007 г.). Не вдаваясь в дискуссию о том, насколько уровень зажиточности страны влияет на демократизацию²⁰, отметим лишь главную тенденцию: большинство посткоммунистических стран преодолело рубеж (выведенный в классической работе А.Пшеворского и Ф.Лимонжи), при котором демократия, раз возникнув, практически застрахована от авторитарной реставрации. В то же время среди посткоммунистических стран имеются и «бедные демократии» (например, Монголия, Черногория и Молдова, где душевой ВВП едва превышает 3 тыс. долларов), что свидетельствует

²¹ Diamond 1994:
4—17.

в пользу заключения Л.Даймонда, по мнению которого в современных условиях демократия имеет шансы на «выживание» даже в самых бедных странах²¹.

Классификация посткоммунистических стран. При оценке продвижения посткоммунистических стран по пути демократизации бросается в глаза достаточно высокая степень корреляции между успехом трансформаций и географическим, шире — цивилизационным положением страны. Однако не во всех случаях географический фактор является решающим. Ниже мы остановимся на некоторых частных «девиациях», пока же ограничимся указанием на наличие «буферных» стран, находящихся на стыке различных историко-политических субрегионов и испытавших смешанное влияние. Так, с точки зрения трансформационных процессов «экс-югославские» Словения и (в меньшей степени) Хорватия ближе к Центральной Европе, чем к Балканам (обе страны — католические, некогда входившие в Австро-Венгерскую империю); Литва больше походит на Польшу, нежели на остальную Прибалтику; Молдавия «колеблется» между восточнославянскими республиками и Румынией; Азербайджан — между Закавказьем и Центральной Азией.

«Транзит успешно завершен». В данную группу включены восемь стран: центральноевропейская «вышеградская четверка», «выломившиеся» из своих географических субрегионов Словения и Литва, а также Болгария и Румыния. Очевидно, что именно в этих странах условия для трансформации были оптимальными, именно здесь сильнее всего работал «европейский фактор». По уровню душевого ВВП лидеры рассматриваемой группы — Словения и Чехия — обогнали Португалию. Отметим также, что Словения и Чехия (и только они) попали в категорию «функционирующих демократий» в рейтинге журнала «Economist» и заняли первые два места в рейтинге Фонда Бертельсманна. Несмотря на более низкий уровень экономического развития и сохраняющиеся трудности адаптации к жизни в Евросоюзе, успешно интегрировались в «Большую Европу» и Болгария с Румынией, лидирующие среди стран юго-восточной части континента.

«Транзит необратим». К этой группе мы отнесли страны, отстающие от лидеров по целому ряду показателей, но демонстрирующие уверенный прогресс. После трудностей и издержек первой половины 1990-х годов политика в этих странах приблизилась к стандартам демократии. Менее впечатляющи их успехи в модернизации, поскольку начинали они с более низкой «стартовой точки». «Фаворитами» в данной группе можно считать две прибалтийские республики, которым помешала войти в первую группу прежде всего отмеченная выше неинклюзивность демократии. Еще один «фаворит» — Хорватия, государство из «буферной зоны», с цивилизационной точки зрения во многом

сходное со Словенией, но пережившее ряд кризисов (нарушение территориальной целостности, националистическая диктатура). По этой причине Хорватия не интегрирована ни в НАТО, ни в Евросоюз.

Сложнее обстоит дело с Македонией и (особенно) Албанией. У этих стран еще более низкая «стартовая точка», наличествуют и дополнительные трудности: большая поляризация политики (Албания), проблемы национальных меньшинств. В целом транзит в названных странах тоже следует считать необратимым, но модернизационные процессы там идут куда тяжелее. «Европейские факторы» действуют слабее, уровень развития — ниже.

«Транзит продолжается». К данной категории отнесены страны, в которых исход демократизационных процессов на сегодняшний день еще не ясен. В некоторых из этих стран демократизация обрела «второе дыхание», в других — надежда на нее не потеряна.

Две страны этой группы относительно далеко продвинулись в плане демократизации, но отличаются предельно низким уровнем экономического развития. И если в Молдове (самой слаборазвитой из европейских посткоммунистических стран, не считая края Косово) это обусловлено недостаточностью структурных реформ в экономике, то главной проблемой Монголии является сохранение традиционных по характеру экономики и общества, что чревато отходом от демократического курса при кризисном развитии событий. Довольно уверенный рост демонстрируют в последние годы демократизационные рейтинги Украины: после «оранжевой революции» в стране исчезли преграды для политической конкуренции, осуществлено разделение властей. Однако украинская элита еще только учится жить по новым правилам, так что политика в стране далека от стабильности.

Босния и Герцеговина, Сербия и (опосредованно) Черногория — страны, пережившие тяжелые гражданские войны и не до конца оправившиеся от их последствий. Государственность в первых двух странах нельзя считать «до конца состоявшейся»: Босния и Герцеговина остаются конфедерацией, Сербии же еще предстоит найти ответ на «вызов Косово». Пока этого не произошло, сохраняется вероятность сценария, при котором эти государства, а также «новорожденное» Косово превратятся в failed states. Тем не менее тот факт, что они сумели выйти по крайней мере из «острых периодов» кризисов, не свалившись в жесткую диктатуру, внушает оптимизм. По уровню демократизации Сербия оценивается выше других экс-югославских республик, за исключением двух «католических». Страна смогла осуществить несколько «передач» власти, сохранить плюрализм в политике, не допустить к власти крайних националистов (хотя и за счет применения административного ресурса).

Наконец, мы находим в этой группе Россию, Грузию и Армению, которые оказались сгруппированы вместе и при описании институционального строя. Для характеристики итогов трансформаций в этих стра-

нах лучше всего подходит метафора «наполовину полного или наполовину пустого стакана». Прогресс данных стран на пути построения демократического общества явно недостаточен; далеко не оптимальным образом были использованы и возможности для социально-экономической модернизации. Однако, как уже говорилось, и барьеры для успешной демократизации здесь были исключительно высоки. Поэтому если что-то и вызывает опасения с точки зрения перспектив рассматриваемых стран, то это не столько их нынешний, не слишком высокий уровень реформированности, сколько негативная динамика: последние выборы во всех трех странах были по своему качеству хуже предыдущих (хотя, разумеется, найдется немало желающих оспорить это утверждение). Россия, если верить рейтингам, — самая «зажиточная» и конкурентоспособная из посткоммунистических стран, так и не ставших демократиями.

Группы «Транзит заблокирован» и «Транзит не состоялся» различаются, пожалуй, лишь тем, что в первой из них предпринимались попытки демократизировать или плюрализировать общественную жизнь. Впрочем, в последние годы «имитацией» таких попыток занимаются даже самые авторитарные из центральноазиатских государств — Узбекистан и Туркменистан, «изобразившие» формально плюралистические выборы президентов. В свою очередь, Казахстан, некогда отличавшийся реальным, хотя и встроенным в определенные рамки плюрализмом, перешел к однопартийному парламенту. В Киргизии период раздела власти после падения режима А.Акаева сменился новым моноцентризмом. Как и в случае с Россией и закавказскими республиками, внимания заслуживает не только нынешнее состояние дел, но и тенденция — а она в центральноазиатских государствах скорее проавторитарная. (Развитие Белоруссии — единственной европейской страны, оказавшейся в этой категории, — требует отдельного анализа.) В то же время, как справедливо отмечает Д.Фурман, «движение к демократии — аспект общего процесса развития, «модернизации»... Любой имитационный режим апеллирует к демократическим ценностям и тем самым в какой-то степени способствует их закреплению»²².

²² Фурман 2008: 17–18.

* * *

Возвращаясь к сформулированному в начале статьи вопросу о целесообразности компаративного анализа посткоммунистических стран, позволим себе добавить еще один аргумент в пользу положительного ответа. За минувшие два десятилетия большинство посткоммунистических стран существенно продвинулось по пути трансформации — пусть по разным моделям, с разными целями и разным успехом. Эта динамичность и многообразие моделей делают исследование посткоммунистического пространства не просто оправданным, но и чрезвычайно важным.

Библиография

- Воскресенский** А.Д. 2007. *Политические системы и модели демократии на Востоке.* — М.
- Гельман** В. 2006. Перспективы доминирующей партии в России // *Pro et Contra.* № 4.
- Демократическое правовое государство и гражданское общество.** 2005. — М.
- Зазнаев** О. 2007. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // *Полис.* № 2.
- Макаренко** Б.И. 2002/2003. Консолидация демократии: детские болезни постсоветских государств // *Полития.* № 4 (27).
- Миронюк** М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И. 2006. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // *Полис.* № 5.
- Паин** Э. 2008. Общество без традиций перед вызовом современности // *Россия в глобальной политике.* Т. 6. № 3.
- Политический атлас современности.** 2007. — М.
- Пшизова** С. 2007. Политика как бизнес: российская версия // *Полис.* № 2.
- Растоу** Д.А. 1996. Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис.* № 5.
- Тарасов** И. 2007. Европейское единство: испытание востоком // *Международные процессы.* Т. 5, № 1 (13).
- Фурман** Д. 2008. Развилка-2008 // *Россия в глобальной политике.* Т. 6. № 2.
- Хантингтон** С. 2003. *Третья волна: демократизация в конце XX века.* — М.
- Bertelsmann Transformation Index 2008. Politische Gestaltung im internationalen Vergleich.** 2007. — Gütersloh.
- Diamond** L. 1994. Toward Democratic Consolidation // *Journal of Democracy.* Vol. 5. № 3.
- Diamond** L. 2003. *Can the Whole World Become Democratic? Democracy, Development and International Policies.* — Irvine.
- Fish** M.S. 2001. The Dynamics of Democratic Erosion // *Postcommunism and the Theory of Democracy.* — Princeton.
- Fish** M.S. 2006. Stronger Legislatures, Stronger Democracies // *Journal of Democracy.* Vol. 17. № 1.
- Hanson** S. 2001. Defining Democratic Consolidation // *Post-Communism and the Theory of Democracy.* — Princeton.
- Londregan** J.B., Poole K.T. 1996. Does High Income Promote Democracy? // *World Politics.* Vol. 49.
- Przeworski** A., Limongi F. 1997. Modernization: Theories and Facts // *World Politics.* Vol. 49. № 2.
- Shugart** M.S., Carey J.M. 1992. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics.* — Cambridge.

Приложение Типология постсоветских государств

Категория	Гос-во	ПВ	ЦН	ПС	ИС	ИПП
Транзит успешно завершен	Болгария	+	+	Прем-през	Проп	0,78
	Венгрия	+	+	Парл	Проп	0,69
	Литва	+	+	Прем-през	Смеш	0,72
	Польша	+	+	През-парл	Проп	0,66
	Румыния	+	+	Прем-през	Проп	0,72
	Словения	+	+	Прем-през	Проп	0,78
	Словакия	+	+	Прем-през	Проп	0,72
Транзит необратим	Чехия	+	+	Парл	Проп	0,78
	Албания	+	+	Парл	Смеш	0,75
	Латвия	+	— (+)	Парл	Проп	0,84
	Македония	+	— (+)	Прем-през	Смеш	0,78
	Хорватия	+	— (+)	Прем-през	Проп	0,72
Транзит продолжается	Эстония	+	— (+)	Парл	ЕПГ	0,75
	Армения	+ /—	+ (—)	През-парл*	Смеш	0,53
	Босния и Герцеговина	—	+ (—)	Конфедер*	Проп	—
	Грузия	—	—	През-парл*	Смеш	0,59
	Молдавия	+	—	Парл*	Проп	0,72
	Монголия	+	+	Прем-през	Маж	0,81
	Россия	—	+ (—)	През-парл	Проп*	0,44
	Сербия	+	—	Прем-през	Проп	—
Транзит заблокирован	Украина	+	+	Прем-през	Проп*	0,50
	Черногория	—	+	Прем-през*	Проп	—
	Казахстан	—	+	През*	Проп*	0,31
	Киргизстан	—	+	През-парл*	Маж (см)	0,41
Транзит не состоялся	Азербайджан	—	—	През	Смеш	0,44
	Белоруссия	+	+	През	Маж	0,28
	Таджикистан	—	+ (—)	През	Смеш	0,41
	Туркменистан	—	+	През	Маж	—
	Узбекистан	—	+	През	Непрям	0,28

Легенда

Столбец	Пояснение, источник информации
Категория	Сводная оценка итогов политических процессов за 1990—2008 гг.
ПВ	Передачи власти + /— — передача власти, лишь внешне выглядящая демократической
ЦН	Целостность нации + (—) — целостность нации восстановлена после серьезных потрясений — (+) — целостность нации не достигнута, но ситуация улучшается

ИФП	ПП/ГС	ИТБ	ИДЭ	ИИОД	ИГК	ВВП \$	ВВП место	Diamond
— 3	1/2	15	49	46	79	10973	65	ЛД
Парл	1/1	5	38	28	47	21040	40	ЛД
— 2	1/1	6	39	32	38	17749	47	ЛД
— 1	1/1	11	46	40	51	16599	52	ЛД
— 5	2/2	17	50	31	74	11079	64	ЛД
— 6	1/1	2	27	45	39	26576	29	ЛД
— 4	1/1	7	41	61	41	20002	42	ЛД
Парл	1/1	1	18	36	33	25346	33	ЛД
Парл	3/3	33	83	56	109	6197	97	ЭД
Парл	2/1	13	43	52	45	18005	46	ЛД
— 5	3/3	22	68	76	94	8251	85	ЭД
— 5	2/2	14	51	27	57	15733	53	ЛД
Парл	1/1	3	33	58	27	21860	36	ЛД
— 1	5/4	41	110	67	93	5769	105	ВПП
—	4/3	40	87	78	106	9964	70	КА
+ 5	4/4	38	104	160	90	4176	119	ВПП
Парл	3/4	60	62	81	97	3090	128	ЭД
—	2/2	44	56	39	101	3181	126	ЛД
+ 8	6/5	59	102	93	58	13432	59	КА
—	3/2	31	55	54	91	7265	94	ЭД
0	3/2	35	52	41	73	8624	83	ВПП
—	3/3	30	58	54	82	≈3800	—	ЭД
+ 9	6/5	68	120	152	61	10658	66	ЭА
+ 4	5/4	63	111	154	119	2315	143	ЭА
+ 6	6/5	87	129	135	66	8521	84	ЭА
+ 7	7/6	89	128	149	—	10167	69	ЭА
През	6/5	106	149	172	117	1637	155	ЭА
През	7/7	115	162	187	119	9483	76	ЗА
През	7/7	111	160	159	62	2541	135	ЗА

Столбец	Пояснение, источник информации
ПС	Политический строй * — политический строй претерпел серьезные изменения През — президентская республика Парл — парламентская республика Прем-през — премьер-президентская республика През-парл — президентско-парламентская республика
ИС	Избирательная система Маж — мажоритарная

ДЕМОКРАТИЯ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

<i>Столбец</i>	<i>Пояснение, источник информации</i>
	Смеш — смешанная Проп — пропорциональная ЕПГ — единый передаваемый голос
ИПП	Индекс полномочий парламента (Fish 2006)
ИФП	Индекс формы правления (Зазнаев 2007)
ПП/ГС	Рейтинг «Freedom House»: Политические права / Гражданские свободы (Freedom in the World 2008)
ИТБ	Индекс трансформации Фонда Бертельсмана (Bertelsmann Transformation Index 2008)
ИДЭ	Индекс демократии журнала «Economist» (The Economist Intelligence Unit's Index of Democracy 2007)
ИИОД	Индекс институциональных основ демократии (Политический атлас 2007)
ИГК	Индекс глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (Global Competitiveness Index 07– 08)
ВВП (\$)	ВВП на душу населения по паритету покупательной способности на 2007 г. по данным МВФ (World Economic Outlook Database Oct. 2007)
ВВП место	Место страны по ВВП на душу населения среди государств — членов МВФ (World Economic Outlook Database Oct. 2007)
Diamond	Классификация режимов Л.Даймонда (Diamond 2003) ЛД — либеральная демократия ЭД — электоральная демократия ВПР — внутренне противоречивый режим КА — конкурентный авторитарный режим ЭА — электоральный авторитарный режим ЗА — закрытый авторитарный режим